

¹ См.: Калинин Л. А. Телеологический метод Канта и диалектика//Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1978. Вып. 3.

² Абрамян Л. А. Главный труд Канта: (К 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума»). Ереван, 1981. С. 9.

³ См.: Калинин Л. А. Постулаты практического разума в свете кантовской философии истории//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1983. Вып. 8. С. 12—26.

⁴ См.: Калинин Л. А. Понятия «вещь вообще» и «вещь в себе» и их роль в системе кантовского «критицизма»//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 3—11.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И КАНТА И ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ

Г. Н. Гумницкий

(Ивановский государственный университет)

Одной из выдающихся заслуг И. Канта в области этики является постановка и плодотворное, в определенных аспектах, решение проблемы моральных законов.

И раньше, а нередко и в наше время под моральным законом понимали и понимают сумму моральных заповедей или принципов, то есть некоторое субъективное установление. В этом случае термин «закон» употребляется в смысле, близком к государственному, юридическому закону. Хотя свой моральный закон, категорический императив, Кант формулирует в виде требований (поступай так, чтобы максима твоей воли одновременно могла быть основой всеобщего законодательства; рассматривай другое лицо не только как средство, но всегда также и как цель), однако он сближает его с естественными и логическими законами, говоря о законосообразности морального поведения. В этом заключается идея огромного значения.

По Канту, мораль строго закономерна, подчинена общему, абсолютному закону, следовательно, не зависит ни от какого интереса, субъективного произвола. Практический разум не связан с какими-либо «эмпирическими» побуждениями, естественными человеческими «склонностями». Законосообразность разума автономна, а не определяется, как мы сказали, законами природы и общества. Тем не менее разум подчинен закону, действующему в нем с непреложной силой.

Кант не объясняет законосообразности разума, но для нас сейчас главное, что он ее признает. Мы не касаемся здесь ни априоризма, ни дуализма Канта, ни его идеализма в понимании разума. Несмотря на эти ложные исходные посылки, он выдвигает идею объективного морального закона, которая является краеугольным камнем научной этики.

Казалось бы, этики-марксисты должны были по достоинству оценить эту идею, всемерно использовать и развить ее в своих исследованиях. Однако этого не произошло, больше того, она

не раз подвергалась резкой критике, осуждалась как якобы метафизическая, идеалистическая, антиисторическая и т. д. Чем же можно объяснить такое негативное к ней отношение?

В течение долгого времени в марксистской этике делался акцент на историчности морали, ее относительности, конкретной социальной обусловленности. Этот подход абсолютизировался, что приводило к отрицанию общих моментов в человеческой морали, к игнорированию того факта, что в ней, как и во всех областях, действуют некоторые общие законы, ибо все в мире закономерно, и мораль не может быть исключением. В этике в этом отношении возобладали релятивистские и субъективистские тенденции. В таких условиях даже постановка вопроса об общих моральных законах казалась недопустимой. Неудивительно, что в печати не появилось ни одной работы по этой проблеме, а понятие морального закона иногда лишь упоминалось мимоходом, не подвергаясь какому-либо анализу.

Теперь, когда складываются благоприятные условия для преодоления всяческих догматических установок и нелепых «запретов», а с другой стороны, усиливается потребность в исследовании общечеловеческих аспектов морали, имеется не только возможность, но и насущная необходимость обсуждения проблемы моральных законов.

Ф. Энгельс, говоря в «Анти-Дюринге» о классовости морали, в то же время отмечал, что между моральными системами различных эпох и классов есть много общего. К сожалению, этим словам часто не придавалось значения. Долгое время отрицались даже простые общечеловеческие нормы морали, о которых не раз говорили и Маркс, и Энгельс, и Ленин. Это как раз один из тех случаев, когда хотят быть большими марксистами, чем сам Маркс. Наконец, эти нормы признали, правда, так сказать, вынужденно (настолько сильна власть привычного, якобы марксистского, а на самом деле весьма примитивного, догматического понимания морали как явления сугубо и только классового). Но дальше в изучении общечеловеческого в морали большинство наших этиков не пошло, хотя ясно, что не может быть общего в явлении (в простых нормах), если этого общего нет в самой сущности и в выражающей ее форме. Последние и надо рассмотреть, чтобы понять природу общечеловеческого в морали.

Вряд ли можно сомневаться, что мораль — общечеловеческое по своей общей сути и форме явление. Она возникла вместе с возникновением человечества и была присуща всем историческим общностям людей, всем эпохам, классам и группам. По мере созревания и категориального оформления морали она всегда и везде стала выражаться в одних и тех же понятиях добра, долга, гуманности, справедливости, чести, стыда, совести и др. Между этими понятиями не может не быть логической связи, а это означает существование общей структуры мораль-

ного сознания. Отрицать общую структуру морали, признавая лишь исторически своеобразные структуры, значит не понимать диалектики общего и особенного. При отсутствии общей структуры, а значит и общего смысла морали она бы рассыпалась на ничем не связанные образования, объединяемые только общим названием, одним только словом, лишенным всякого значения. Но что это, как не самый явный номинализм! Если есть только отдельные структуры, не связанные ничем общим, то о каком развитии, о каком моральном прогрессе человечества можно говорить? Ведь развиваться может лишь нечто единое, отрицание же единства в истории морали превращает эту историю в цепь «катастроф». Ясно, что такая «история» больше соответствует взглядам Кювье, чем теории Маркса.

Если существует общая форма морали, то есть ее относительно постоянные элементы и такие же связи между ними, то это и означает, что есть общие моральные законы.

И. Канту удалось уловить специфику моральной формы в ее всеобщности и выразить в формуле категорического императива. Первая, основная его формула, по сути, означает: поступай в соответствии с общезначимой формой. Этим подразумевается, что индивид должен подчинять свой личный интерес общественному (хотя сам Кант не только не соглашался с таким пониманием, но даже решительно возражал против него). Вторая формула (об отношении к личности как к цели) существенно дополняет первую и позволяет правильно истолковать общий смысл категорического императива: необходимость сочетания, гармонизации индивидуального и общего (группового, общественного). Это — основной моральный закон.

Как видим, моральный закон И. Канта имеет вполне определенное социальное содержание, хотя сам автор закона не раскрыл это содержание со всей ясностью и, больше того, попытался от него отвлечься, что ему, однако, не удалось в полной мере. Реальный смысл закона так или иначе «просвечивает», обнаруживает себя. Формализм в понимании морального закона у Канта состоит в том, что он попытался придать ему характер чисто логического закона, элиминировать из него собственно этическое, социальное содержание. По-видимому, дело в том, что Кант не сумел найти (и это имеет определенные исторические причины) объективное социальное основание для своего морального закона. Поэтому ему пришлось искать для него какое-то внесоциальное обоснование. Кант усматривает его в логической всеобщности: если правило имеет форму всеобщности, оно является моральным. Но ведь всеобщими могут быть не только моральные правила, но и многие другие, например, гигиенические или технологические. На самом деле Кант имел в виду не логическую, а социальную всеобщность, то есть значимость для всех членов сообщества.

Что касается утверждений об абстрактности категорического

императива, его оторванности от конкретного исторического содержания, надклассовости и т. п., то они основаны на недоразумении. Ведь речь как раз идет о всеобщем, а потому и абстрактном законе, который не должен по самой своей сути быть конкретным, ибо в этом случае он перестал бы существовать в качестве всеобщего закона и потерял свое значение. А значение его чрезвычайно велико.

Возьмем для сравнения какой-либо другой социальный закон, например, закон соответствия производственных отношений производительным силам. Разве нельзя адресовать ему тех же упреков, что и кантовскому моральному закону: он и абстрактен, и надклассов и т. д. Но никому не приходит это в голову, ибо в данном случае каждому понятно, что речь идет об объективном законе. Когда же дело касается морального закона, то думают, что это должен быть принцип того или иного морального кодекса, а это неверно. Если моральный закон и считать принципом, то это принцип логики морального мышления, или, как иногда говорят, логики «морального языка». В конкретном поведении он является не непосредственно регулятивным, а скорее «методологическим», действующим, как правило, неосознанно, в качестве объективного закона, а не субъективной установки.

Люди в течение тысячелетий так же не знали основного морального закона, как не знали и закона соответствия в структуре способа производства, но они руководствовались мыслями и чувствами, которые помимо их воли и сознания складывались под действием этих законов. Это не значит, что знание данных законов является бесполезным. Известно значение закона соответствия для обоснования необходимости перехода от капитализма к коммунизму, следовательно, и для практики революционной борьбы пролетариата, строительства социализма. Аналогичное значение имеет основной моральный закон для построения научной этики, обоснования коммунистической морали, разработки теории морального воспитания, для практики морального поведения и воспитания. Знание этого закона повышает этическую сознательность личности и при прочих равных условиях делает ее нравственное поведение более выдержанным, последовательным, совершенным.

Основной моральный закон, будучи всеобщим, действительно формален и абстрактен, но этим он не отличается от любых других всеобщих законов. Абстрактность — вовсе не такое уж плохое качество, как нередко полагают. Это не только недостаток, но и достоинство. Причем такой недостаток вполне преодолим — путем конкретизации. Общий закон позволяет «свободно» освоить конкретность, при этом сам он конкретизируется, наполняется особенным содержанием, приобретает значение закона данной исторической эпохи, данного общества, класса, выражаясь в соответствующих социально и классово конкретных

принципах и нормах поведения. Он не только не препятствует проявлению определенного классового содержания, а, наоборот, способствует, давая этому содержанию специфически моральную форму.

Мораль «движется» в одних и тех же всеобщих формах, подчиняется единым всеобщим законам. Этим объясняется преемственность в ее развитии, возможность известного взаимопонимания между представителями разных обществ и классов. Например, каждый класс вкладывает в понятие долга свой смысл, вытекающий из экономических условий его существования, и постольку представления различных классов о долге различны, а противоположных — противоположны. Но отсюда не следует, что между этими представлениями нет ничего общего, никаких точек соприкосновения. Человек долга в любом случае отличается от того, кто не признает никакого долга и руководствуется только эгоистическими интересами или капризом. С позиций исторически изжившего себя понимания долга индивид может перейти на позиции его прогрессивного понимания (чему история дает множество примеров), оставаясь в границах морали. Это говорит о том, что мораль есть нечто единое по своей природе, хотя и существующее исторически в разных формах. В основе ее единства и лежат общие моральные законы, действие которых отграничивает сферу морали от аморальной и неморальной сфер сознания и поведения.

Какие еще моральные законы можно назвать, кроме основного? Очевидно, что, если они существуют, то должны составлять *систему* законов, «центром» которой является основной моральный закон. Всякий закон есть существенное отношение. Основной моральный закон — не что иное, как основное моральное отношение, которое, по нашему определению, есть отношение личности к общему благу как к высшей цели и к личному благу как к конечной цели в их взаимном сочетании. Основное моральное отношение (ОМО) выражается в ряде моментов, фиксируемых важнейшими моральными понятиями (этическими категориями). Все они определяются через ОМО, будучи обозначениями отношений, являющихся его элементами, или моментами. Так, долг есть необходимость ОМО, то есть необходимость подчиняться общим интересам как высшим и т. д., добро — его цель и результат, гуманность — отношение к личному благу как к конечной цели, справедливость — мера гуманности. Все такие моменты существенны для морали, закономерны для нее, представляют собой законы морального сознания и поведения. Однако из их числа можно выделить наиболее важные, выражающие главные моменты ОМО, тогда как другие имеют производное значение.

На наш взгляд, важнейшими моральными законами являются законы солидарности, гуманности и справедливости. Очевидно, что первые два выражают два главных момента ОМО.

Что касается третьего, то самостоятельное место в ряду важнейших моральных законов он занимает постольку, поскольку дополняет закон гуманности, выражая способ распределения благ между членами общности, а также форму моральной санкции.

Относятся ли к числу законов категории долга, добра, совести и др.? Их можно выразить в форме суждений о необходимости исполнения долга и велений совести, творения добра. Но содержание этих суждений определяется как раз названными важнейшими законами, ибо именно они указывают на то, в чем состоят долг, добро и веления совести. Поэтому данные категории — скорее формы проявления и осуществления моральных законов, чем сами эти законы.

Вероятно, можно считать моральными законами требования оказания помощи, благодарности, честности, ответственности и др. Но они являются производными от указанных важнейших законов и стоят ниже их по рангу, хотя также относятся к всеобщим законам.

Как уже отмечалось, на каждом этапе исторического развития, применительно к определенному обществу и классу общие моральные законы конкретизируются, наполняются особенным содержанием. Так, в нашем обществе закон солидарности выражается в требовании преданности делу коммунизма. Моральные законы исторически развиваются, в частности, расширяют сферу своего действия. Например, гуманность исторически выходит за границы рода, народности, класса, нации и становится отношением к каждому человеку и ко всему человечеству. В борьбе и смене конкретных законов морали, выражающих их принципов имеет место не механическое уничтожение одних другими, а диалектическое отрицание, то есть сохранение общей сущности морали, общих моральных законов и возвышение форм их проявления с удержанием того ценного, что заключалось в содержании отрицаемых низших форм. Критерий прогресса моральных законов — в самой их специфической сущности. Если мораль — это антиэгоизм, то всякий прогрессивный шаг в развитии морали состоит в исторически закономерном отвержении той или иной формы группового (племенного, национального, классового) эгоизма и утверждению более широкой формы социальной солидарности. В коммунистической морали действие общих моральных законов является до конца последовательным, ибо оно имеет своей целью уничтожение всякого классового и национального эгоизма и достижение общечеловеческой солидарности. Полностью эта цель может быть реализована лишь путем построения коммунизма во всем мире, но в той или иной мере она достигается в сотрудничестве различных социальных сил, направленном на сохранение мира и решение других общечеловеческих проблем. Определенное моральное единство, достигаемое в ходе такого сотрудничества и являющееся одним из его

необходимых условий, служит доказательством реального существования и действия общих моральных законов.

Мы видим, что мораль, как и все в мире, подчиняется диалектике, что в моральных законах (принципах) различных обществ и классов имеется общее и особенное, тождественное и различное (противоположное), абсолютное и относительное, постоянное и изменчивое. Признание только различного и только относительного, отрицание тождественного и абсолютного, хотя это и делается под флагом диалектики, на самом деле в корне ей противоречит. С точки зрения диалектики, бесспорно, что общие законы морали — такая же реальность, как и общие законы всех других областей материальной и духовной действительности.

Признание общего и абсолютного в сфере морали имеет сейчас особую значимость в международном аспекте. В буржуазной этике широкое распространение получила защита морального релятивизма, а по существу аморализма, причем в то же время упреки в моральном релятивизме часто адресуются марксизму. На самом деле подлинно марксистское понимание морали не имеет ничего общего с релятивизмом, хотя некоторые наши этики, видимо, думают иначе. Моральный релятивизм вреден в любой области жизни, но, понятно, особенно опасен там, где дело идет о жизни и здоровье людей, о мире и выживании человечества. С позиций релятивизма невозможны единые моральные требования к ученым разных общественных систем, не может быть никакого морального единства между политиками, выражающими интересы капитализма и интересы социализма. Очевидно, что важной задачей марксистской этики является непримиримая борьба с релятивистскими концепциями морали. Теоретической основой этой борьбы должно послужить учение об общих моральных законах.

Моральные законы в определенной мере сходны с логическими законами. И те и другие — законы нашего сознания и обусловленной им деятельности. Как логические законы — это законы не всякого, а правильного, постигающего истину мышления, так и моральные законы — законы правильного (в моральном отношении), стремящегося к достижению моральной цели сознания. В массовой практике моральные законы, как и логические, действуют не будучи осознаваемыми в своей непосредственной форме. В то же время знание моральных законов не бесполезно, оно в своей области не менее практически значимо, чем знание логических законов в сфере абстрактного мышления. Поэтому изучение этики так же необходимо, как и изучение логики.

Система моральных законов так или иначе выражается в рациональной сфере обыденного морального сознания, прежде всего, в форме знания принципов и норм данной системы морали. В каждом принципе представлен в виде требования соот-

ветствующий моральный закон. Но важно знать законы в единстве, в системе, ибо только все они вместе полно выражают природу морали. Системообразующим является основной моральный закон, но он слишком сложен, чтобы быть сформулированным на уровне обыденного сознания. Его «знание», правда, может сложиться на уровне интуиции, но здесь оно обычно оказывается весьма неопределенным, а потому и недостаточно действенным. Теоретическое овладение знанием моральных законов способно восполнить этот недостаток.

Этика должна не постулировать свои принципы, а обосновывать их, выводить из моральных законов, из сущности морали. Она должна различать всеобщие принципы, имеющие морально-логическое значение и принципы конкретно-исторические, которыми можно непосредственно руководствоваться в данных условиях. Пониманию этого вопроса может помочь критический разбор взглядов Я. А. Мильнера-Иринина на систему принципов морали. Не касаясь прежних его работ, обратимся к последней по времени публикации, к статье «Понятие о природе человека и его место в системе науки этики» (Вопросы филологии, 1987, № 5).

Автор считает, что нравственный закон (образуемый совестью, являющейся, по его мнению, «клеточкой» морального сознания) воплощается в принципах «истинной человечности» и их «имманентной целокупности» (с. 76). Но он нигде не показывает, в чем отличие закона и совокупности принципов. Отсюда можно заключить, что по существу они отождествляются или во всяком случае не различаются, а термин «закон» употребляется в традиционном смысле, примерно как в выражении «закон Моисея». Каким же образом в таком случае определяются принципы морали? В статье они не выводятся из сущности морали, а просто постулируются.

Источником морали, по автору, является идеальная, истинно человеческая природа. Каково же ее содержание? Указывается, что она — творчески преобразовательная и нравственно-революционная (с. 71). Творческое преобразование не специфично для морали, поэтому из первого нельзя вывести вторую. Остается указание на нравственность (добавление «революционности» ничего не разъясняет). Но если идеальная природа изначально нравственна, то выводить и объяснять уже нечего. Понятие нравственности оказывается «вещью в себе». Чтобы как-то все же раскрыть это понятие, автор утверждает, что в нем выражается осознание противоречия между сущим и должным, или между животными инстинктами и истинной природой человека (с. 76). Но и эти противоречия неспецифичны для морали.

Если мы не располагаем достаточно ясным и четким понятием морали, то вряд ли можно дать систему специфически моральных принципов. Неудивительно, что среди принципов, названных Я. А. Мильнером-Ирининым, — ряд таких, которые

нельзя отнести к собственно моральным: самосовершенствования, свободы, труда и др. Конечно, моральными являются понятия совести и добра, но непонятно, почему они названы принципами. Ведь принцип должен что-то утверждать или требовать, здесь же не выражено ни того, ни другого.

Автор хотел дать систему абстрактных общечеловеческих принципов морали (с. 72). Но можно ли к их числу относить принцип общественной собственности, как это делается в статье? Ведь он не характеризует общую природу морали, не говоря уже о том, что он вообще не выражает специфики последней.

Задача разработки общечеловеческих принципов морали сейчас актуальна, как никогда раньше, но она еще ждет своего научного решения, которое возможно лишь на основе теории общих моральных законов. Проблемы этой теории заслуживают того, чтобы занять одно из центральных мест в наших этических исследованиях.

О ПОСТУЛАТАХ ЧИСТОГО ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

В. А. Блюмкин

(Курский сельскохозяйственный институт)

Заглавная проблема не столь уж часто привлекала внимание исследователей-марксистов¹. Скорее наоборот. Даже в солидных работах, посвященных философии Канта и специально его этическим взглядам, эта проблема рассматривается лишь кратко или вообще не становится предметом исследования. Последнее относится, например, к большой и содержательной главе о теоретических основах этики Канта, написанной О. Г. Дробницким, где обстоятельно анализируется кантовская концепция свободы, но постулаты чистого практического разума, как таковые, не рассматриваются².

В любом случае, тему о постулатах чистого практического разума нельзя считать исчерпанной. Возможными аспектами ее дальнейшего рассмотрения нам представляются: 1) анализ теоретических и идеологических предпосылок данных постулатов в докантовской общественной мысли; 2) исследование их роли и места в философской системе Канта; 3) раскрытие методологических основ тех ошибочных взглядов, к которым пришел немецкий мыслитель в связи с выдвиганием указанных постулатов и исходя из них; 4) диалектико-материалистическая интерпретация постулатов, использование некоторых идей Канта в марксистской философии, что, разумеется, предполагает их серьезное «перетолкование» на иной идейно-теоретической основе. Последние два аспекта представляются нам наиболее интересными, они и составляют основное содержание настоящей статьи.